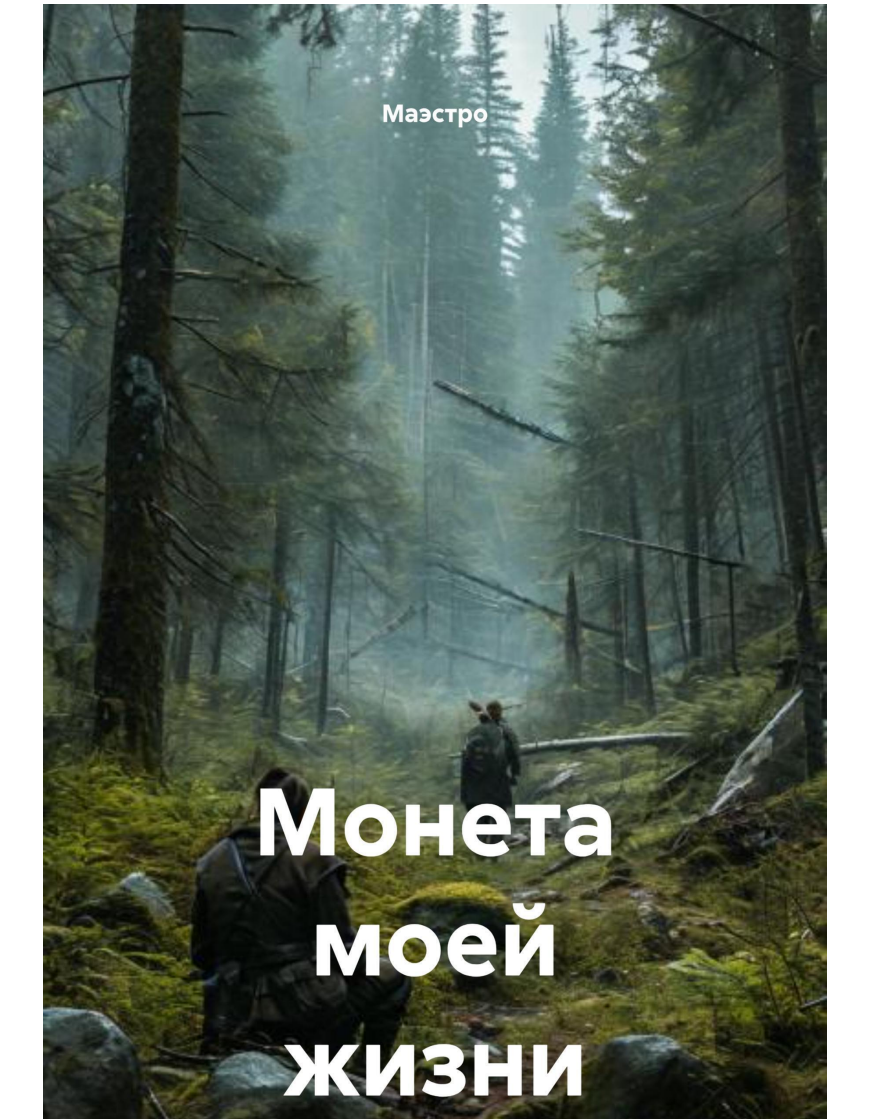

A misty forest scene with tall evergreen trees and a person in the distance. The forest is dense with tall, thin trees and a thick layer of moss on the ground. A person is visible in the distance, walking away from the viewer. The overall atmosphere is serene and somewhat mysterious.

Маэстро

**Монета
моей
ЖИЗНИ**

Маэстро Маэстро

Монета моей жизни

<https://litres.ru/74639013>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда мир вокруг рушится под тяжестью предательства и лжи, куда можно сбежать? Он нашел свой ответ в глубине дикого леса, став Хозяином своей собственной, суровой реальности. Его сердце, израненное войной, умеет любить лишь абсолютно – до пугающей боли, до готовности уничтожить любого, кто посягнет на то небольшое, что осталось.

Она искала спасения от городской суеты, а нашла себя потерянной в его мире, где каждое слово имело вес, а молчание было громче грома. Он спас ее, но не предложил ей легкий путь. Он показал ей свою "страшную" любовь – силу, которая не знает границ и не прощает врагов.

Сможет ли хрупкая связь, зародившаяся между ними, выдержать тени его прошлого и ярость внешнего мира? И станет ли она той единственной Монетой, за которую он готов заплатить своей жизнью, своей яростью и своим покоем?

Это история о двух душах, которые нашли друг друга в огне, и о цене абсолютной верности.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Монета моей жизни

Глава

«Проваливай!»

Это было последнее, что он услышал от нее. Звук голоса его жены расколол мир надвое, и та половина, что осталась позади, медленно обратилась в пепел. Он не спорил. Не умолял. Просто повернулся и ушел, шаг за шагом оставляя за спиной пылающие руины своей прошлой жизни, своего дома, своей любви. В тот день он осознал, что некоторые пожары не тушат, а оставляют гореть, пока не выгорят дотла. И что единственное, что можно спасти, – это себя, вырвав из огня.

Лес стал его исповедью. Земля – его молчаливым судьей. Здесь, среди столетних сосен и мха, вдали от людского шума и предательства, его разум, искалеченный и закаленный, наконец-то обрел подобие покоя. Руки, когда-то сжимавшие рукоять клинка и штурвал комбайна, теперь управляли гусеницами старенького трактора, вгрызаясь в податливый чернозем. Он пахал, строил, чинил, готовил еду на старой печке, и каждое повторяющееся, медитативное действие было обрывком молитвы о забвении.

По вечерам, когда последние лучи солнца пробивались

сквозь кроны, раскрашивая небо в цвета чужих воспоминаний, он садился у костра. И тогда пустота, казалось, обрела форму. Форму ее смеха, форму ее прикосновений, форму той любви, которая когда-то была его воздухом, а теперь стала его проклятием. Он любил ее так, как только способен любить человек, у которого не осталось ничего, кроме этого чувства – абсолютно, всепоглощающе, до пугающей боли. И потеряв ее, он понял: эта любовь не исчезла. Она просто изменилась, стала чем-то диким и опасным, подобно зверю, запертому в его груди. Он не мог дать ей волю. Он не хотел. Мир, по его мнению, не заслуживал того, чтобы увидеть ее мощь.

Поэтому, когда из-за плотной завесы деревьев донесся слабый, сбивчивый крик, он сначала принял его за очередной обман памяти. Но крик повторился, на этот раз ближе, отчаяннее. И это был не голос его прошлого. Это был голос из того мира, от которого он так тщательно себя отгородил. Голос, звучащий слишком тонко и испуганно для этих безжалостных чащ.

Он поднялся. Холодный, сжатый кулак сомкнулся на топорике, висевшем у пояса. Шаги его были бесшумны, сливаясь с шорохом ветра в кронах и шумом реки. Лес не скрывал от него своих тайн, он знал каждую тропинку, каждое шевеление, каждый звук. И этот звук, этот испуганный человеческий голос, был чужеродным, нарушающим его хрупкий покой. Он двигался быстро, но без суеты, как хищник,

идуший на незнакомую добычу.

Крик привел его к небольшой поляне, залитой последними отблесками заходящего солнца. Там, вцепившись в ствол старой ели, стояла она. Женщина. Её городская одежда была разорвана в нескольких местах, волосы сбились, а лицо было перепачкано землёй и слезами. Она была красива, даже в своем отчаянии – тонкие черты, широко распахнутые глаза, полные паники. Рядом валялся смятый рюкзак.

Он остановился в тени деревьев, не выдавая своего присутствия. Просто наблюдал. Она выглядела потерянной. И беззащитной. Инстинкт, спавший в нём долгие годы, шевельнулся – древний, первобытный зов защитника. Но он подавил его. Ему не было до неё дела. Она была частью того мира, который он оставил позади. Мира, полного лжи и предательства.

Но она снова вскрикнула, споткнувшись и упав на колени, пытаясь встать, но лишь запутываясь в ветках.

«Помогите!» – её голос сорвался в хрип.

В нём что-то оборвалось. Возможно, это была отголосок той давней мольбы, которую он не смог услышать. Или просто осознание того, что это хрупкое создание не выживет здесь, в его лесу, в его одиночестве.

Он вышел из тени. Беззвучно.

Его фигура, высокая и мощная, появилась на краю поляны словно из ниоткуда. Его лицо, обрамлённое темными волосами, было застывшим, как маска. Глаза – серые, пронзительные, – смотрели на нее без единой эмоции.

Она подняла голову, ее взгляд наткнулся на него. Паника в её глазах сменилась чем-то, похожим на ужас. А затем – на осторожную, неясную надежду.

«Пожалуйста... я заблудилась...» – прошептала она, пытаясь встать.

Он не произнес ни слова. Просто стоял, неподвижный, как вековой дуб, и смотрел. Как тогда, на помосте, когда мир горел. Только теперь он был по другую сторону огня.

Его взгляд, казалось, видел её насквозь. Не просто одежду или внешность. Что-то гораздо глубже, то, что она, возможно, сама в себе скрывала.

И этот взгляд, это молчание, были для неё куда страшнее, чем дикие звери леса. Или люди, которых она оставила в своём городе.

«Вы... кто вы?» – её голос дрогнул.

Он не ответил. Лишь сделал шаг вперёд, его тень медленно накрыла её.

Её паника усилилась, но он видел в ней не только страх, но и крошечную искорку надежды, которая боролась с отчаянием. Он видел это слишком часто. На полях сражений, в глазах тех, кто умолял о пощаде. И в зеркале, когда смотрел

на себя.

Его внутренний зверь, тот, что затих в его груди, теперь нетерпеливо шевельнулся. Не для атаки. Для защиты. Это был его древний инстинкт Щита, искажённый, но не уничтоженный. Он не хотел впускать этот мир обратно в свою изоляцию. Не хотел снова рисковать, снова чувствовать, снова терять. Но её беспомощность была подобна прямому удару по его броне.

Наконец он нарушил молчание. Голос его был хриплым и низким, словно шёл из самой земли, непривычный к долгому безмолвию. «Ты заблудилась?» – это был не вопрос, а констатация факта.

Она вздрогнула. «Да... я... я пыталась найти дорогу... Мой телефон... он разрядился...» Она протянула дрожащую руку, указывая на смятый аппарат. «Я совсем... я не знаю, куда идти».

Он проигнорировал телефон. Его взгляд скользнул по её израненным рукам, по порванной одежде. Она не выживет здесь одна. Не выживет в его лесу.

«Вставай, – скомандовал он. – Скоро стемнеет. Холод».

Его голос не выражал сочувствия, лишь сухую констата-

цию фактов. Он не предлагал помощи, он указывал на неизбежность.

Она попыталась подняться, но ноги её подкосились. Он не стал ждать. Резкое движение. Его сильная рука, огрубевшая от работы и битв, легла на её локоть, и он без труда поднял её на ноги, не дав ей снова упасть. От его прикосновения по её телу пробежал странный электрический разряд – не боль, но что-то острое, непривычное.

«Куда мы идем?» – прошептала она, пытаясь разглядеть его лицо в наступающих сумерках.

«К реке, – ответил он, поворачиваясь и уходя так же бесшумно, как и появился. – Там мой дом. Если сможешь идти, доберемся до рассвета».

Его слова не оставляли выбора. Он не спрашивал, хочет ли она идти. Он просто предполагал, что она пойдёт за ним, словно пойманное животное, следующее за охотником. И она пошла. Её ноги болели, каждый шаг отзывался ноющей болью, но его широкая спина, тенью маячившая впереди, была единственным маяком в надвигающейся тьме. Она не знала, кто он, что он собирался с ней делать, но что-то в его молчаливой силе, в его хищной уверенности внушало странное, почти иррациональное доверие. Она чувствовала, что с ним – она в безопасности. Пусть даже от него исходила своя,

особая, холодная угроза.

Ноги, исцарапанные и натруженные, горели при каждом шаге, и скоро она начала спотыкаться. Лес погружался в непроглядную черноту, только звезды пробивались сквозь редкие просветы в кронах, давая скудный свет. Она слышала шорох листвы под его ногами, его ровное дыхание, и иногда – далекий крик ночной птицы. Он ни разу не оглянулся, ни разу не замедлил шаг, словно знал, что она следует за ним, как тень.

«Я... я больше не могу, – прохрипела она, споткнувшись в очередной раз и едва не упав. – Мне... мне нужно передохнуть».

Он остановился. Резко. Развернулся. Его глаза в темноте блеснули тусклым серебром. Она почувствовала себя пойманной, как мелкое животное, застигнутое взглядом хищника. Он подошел к ней, и она отпрянула, но отступить было некуда. Его взгляд опустился к ее ногам, затем – к рукам, где свежие царапины уже начинали набухать.

«Слишком медленно, – констатировал он. – Скоро будет совсем темно».

Он не выразил ни сочувствия, ни раздражения. Просто факт. Она была обузой, замедляющей его продвижение.

Не дожидаясь ответа, он нагнулся. Ее сердце бешено за-

колоотилось. Что он собирается делать? Но прежде, чем она успела среагировать, его сильные руки подхватили ее, и он поднял ее на руки, как ребенка.

Она ахнула. От неожиданности. От стыда. И от того, насколько легко и естественно он это сделал. Ее лицо оказалось прижато к его широкой груди, она чувствовала под щекой жесткий материал его рубахи и слышала ровный, мощный стук его сердца. Он пах лесом, дымом и чем-то неуловимо диким. Ей стало неловко от собственной близости к нему, от того, как ее тело полностью расслабилось в его руках, отдавшись его силе.

Он снова двинулся. Теперь лес под ногами мелькал гораздо быстрее. Она чувствовала, как его мышцы перекачиваются под рубахой с каждым шагом, как он легко несет ее через бурелом и неровности, словно она ничего не весит. Он был молчалив, и она не осмеливалась нарушать эту тишину. В его объятиях было тепло, даже если его лицо оставалось холодным.

Спустя, как ей показалось, вечность, сквозь густую листву показался слабый, мерцающий свет. Затем – запах дыма, такой уютный и давно забытый. Он замедлил шаг.

Наконец, они вышли из чащи на небольшой, расчищенный участок. Перед ними стоял добротный, сложенный из

бревен дом, из трубы которого вился тонкий столбик дыма. Рядом – сарай, сложенный из тех же брёвен, и, наполовину скрытый за деревьями, приземистый силуэт трактора.

Он опустил ее на землю перед самой дверью. Не резко, но с чувством завершённого действия. Она, пошатываясь, устояла на ногах, ее взгляд, привыкший к темноте, теперь с трудом различал детали его жилища. Изнутри доносился треск дров и слабое потрескивание углей.

Он повернулся к двери, не глядя на нее. «Заходи, – сказал он, и его голос снова был сухим. – Чайник уже вскипел».

Ей потребовалась секунда, чтобы осознать его слова. Ожидание жестокости, или хотя бы грубости, было настолько сильным, что это простое предложение о чае казалось чем-то нереальным. Она сделала шаг, потом еще один, и, наконец, переступила порог.

Внутри было тепло, почти обжигающе после прохлады ночного леса. Запах свежей древесины, дыма и чего-то неуловимо пряного, как лесные травы, обволакивал ее. Дом был простым, даже спартанским, но чистым и опрятным. В центре комнаты стоял большой деревянный стол, заваленный картами и какими-то инструментами. В углу, убранная аккуратным пледом, виднелась кровать. На каменном очаге,

от которого исходило тепло, уютно потрескивали поленья. Над ним висел старый чугунный чайник, от которого поднимался пар.

Он зашел следом, его шаги были такими же бесшумными, как и в лесу. Положив топор на крюк у двери, он снял с себя тяжелую куртку, обнажая широкие плечи и мощную спину. Под рубахой отчетливо проступали жесткие мышцы. Он казался вырезанным из камня, древним и неумолимым.

Он подошел к очагу, не глядя на неё, взял два больших кружки из темной глины и налил в них горячий, ароматный травяной чай. Протянул одну ей.

«Пей. Согреешься».

Его серые глаза на мгновение встретились с ее взглядом. В них не было ни тепла, ни участия, лишь холодная, отстраненная наблюдательность. Но и угрозы не было.

Она взяла кружку. Тепло обжигало пальцы, но было таким желанным. Сделала глоток. Чай был крепким, горьковатым, но удивительно бодрящим.

«Спасибо», – прошептала она, её голос всё ещё дрожал.

Он лишь кивнул. Затем повернулся к столу, начал аккуратно складывать карты, не обращая на нее никакого внимания, словно она была незванным гостем, а просто частью пейзажа. Она стояла у двери, чувствуя себя неуместной в этом суровом, мужском мире.

«Как тебя зовут?» – спросила она, не выдержав давящей тишины.

Он замер. Медленно повернулся к ней, его взгляд был тяжелым, почти осязаемым. Впервые за все время его глаза выразили что-то, похожее на раздражение. Или, возможно, это было нечто более сложное – нежелание нарушать собственное молчание, собственные правила.

«Неважно, – ответил он, и в его голосе проскользнула металлическая нотка. – Здесь меня зовут Хозяин. Тебя – как?»

Ее брови чуть приподнялись. «Хозяин?» – прошептала она, пытаясь понять, шутит ли он, или это какое-то диковинное местное обыкновение. Но его взгляд не предвещал юмора. В нем была только та же холодная отстраненность. Впервые за долгое время она почувствовала что-то кроме страха

– легкую досаду, даже вызов. Она не привыкла, чтобы с ней так разговаривали. Но сейчас, в его доме, вдали от цивилизации, она была в его власти. И ее чувство самосохранения взяло верх над гордостью.

«Мое имя... Меня зовут Маша», – произнесла она, чуть громче, чем собиралась.

Она ждала какой-то реакции, хотя бы кивка. Но он лишь кивнул. Один короткий, безразличный кивок. Казалось, ее имя не вызвало в нем ровным счетом никаких эмоций, не затронуло ничего внутри. Она была для него не Машей, а просто “заблудившейся женщиной”, для которой он, по какой-то неведомой причине, ощущал некое подобие ответственности.

Он снова повернулся к столу, словно их разговор исчерпал себя. Она стояла в центре комнаты, сжимаемая тишиной и его молчаливым присутствием, чувствуя себя глупо и неуместно. Влажный лес, холод и усталость давали о себе знать. Она почувствовала, как по ее коже побежали мурашки.

«Мне... мне нужно где-то просушить одежду, – нерешительно начала она, – и... мне холодно».

Он остановил свои действия. Неспешно, словно взвешива-

вая каждое движение, он повернулся к ней, его взгляд снова просканировал ее с ног до головы.

«Поднимешься на чердак? Там есть чистые, сухие вещи. Рядом с дымоходом тепло. Одежду повесишь на веревку. Если нет сил, так и скажи».

Его голос был все таким же ровным, без тени сочувствия, но в нем прозвучало нечто, что можно было бы истолковать как... заботу? Это было слишком непривычно, чтобы сразу понять.

Лиссандра посмотрела на лестницу, ведущую наверх. Она была крутой, деревянной, и в ее нынешнем состоянии казалась непреодолимой.

«Я... я могу попробовать», – ответила она, чувствуя себя слабой и немощной.

«Не надо пробовать, – его голос стал чуть жестче. – Либо можешь, либо нет».

Она колебалась, но его взгляд был настолько требовательным, что она не посмела солгать.

«Нет, – призналась она. – Я... я не могу».

Он лишь коротко вздохнул, почти незаметно. Затем подошел к лестнице и, не сказав ни слова, начал подниматься по ней. Лиссандра наблюдала за ним, не понимая. Он поднялся, нагнулся, что-то достал, и спустя мгновение сверху полетела связка ткани. За ней, с глухим стуком, упала вторая.

«Разбирайся», – прозвучал его голос сверху.

Маша подошла к куче вещей. Первым оказался толстый, шерстяной плед, пахнувший дымом и лесом. За ним – чистая, хоть и старая, мужская рубаша из плотного, грубого полотна, такая же, как на нем, и пара штанов, слишком больших, но явно сухих. Рядом – моток грубой веревки и несколько деревянных прищепок. Он бросил ей все необходимое. Практично. Без лишних слов.

Она подняла одежду. Теплая, сухая, пахнущая свежестью и солнцем, даже после долгих часов на чердаке. Это было так неожиданно и так... обычно. После всего ужаса дня, после его пугающей силы, эта простая забота казалась странной и утешительной. Мурашки по телу были теперь не от холода, а от предвкушения тепла и сухости.

Взглянув на лестницу, Маша осознала, что ей не хватает сил даже для того, чтобы поднять мокрую одежду наверх. Он, казалось, прочитал ее мысли. Скрипнув половицами, он спустился с чердака, обошел ее, подошел к очагу. Снял с крюка несколько кусков тонкой веревки, натянул их между деревянными балками, проходящими под потолком, рядом с теплом.

«Вешай сюда, – бросил он, кивая головой. – Высохнет до утра».

Он вернулся к столу, снова принявшись за свои дела, словно ее присутствие было лишь легкой помехой. Маша, чувствуя его молчаливое наблюдение, неуклюже стащила с себя мокрую одежду. Каждый шорох ткани казался оглушительным в этой тишине. Холод пробрал ее до костей, но лишь на мгновение. Она быстро натянула на себя сухую, но чужую одежду. Рубаха была огромной, доставая ей почти до колен, а штаны пришлось подворачивать несколько раз, но это было неважно. Главное – тепло и сухость.

Затем она собрала свою промокшую, грязную одежду и, шатаясь, подошла к веревкам. Неловко, одной рукой, она попыталась повесить намокшую кофту, но та соскользнула, упав на пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.